

Моя любовь — загадка века...

Николай Доризо

В послевоенные годы мне рассказали невероятную историю, ходившую в кругу столичных композиторов, и мне захотелось познакомиться с ней читателей. Но сделать это было не так-то просто. Уж слишком высокие лица оказались ее участниками. Кроме того, она начиналась в оккупированном немцами Минске. А я никогда в Минске не бывал. Казалось бы, что мешало моему воображению представить себе тихую минскую улицу. Ведь дома и деревья на ней такие же, как в любом городе, в котором мне довелось жить или хотя бы побывать. Но когда я начинал описывать эту самую улицу, дом, в котором жила героиня моего повествования, все сразу становилось фальшивым, бутафорским, недостоверным.

Слова застревали в горле, пока однажды меня не осенила такая простая и такая спасительная мысль: «Постой, постой! — подумал я. — Почему именно Минск, а, скажем, не Ростов-на-Дону, где прошли мои юношеские годы». Как и в Минск, немцы вошли в Ростов внезапно в начале войны. Я уходил из Ростова с воинскими частями буквально в последний день, буквально на острие немецкого штыка через Дон в Батайск, куда нас направили рыть окопы в самой близости от Ростова, от моего родного дома на набережной, который подробно и отчетливо был виден в полевым бинокле все десять дней первой оккупации Ростова.

И тут на помощь пришло пережитое мною, рассказанное мне мамой и соседями по дому в первый же день моего неожиданного возвращения в родной город, который еще вчера был таким же недостижимо далеким, как самая дальняя планета.

В результате появилась повесть «Измена», напечатанная в 1965 году в журнале «Москва». В ней я рассказал о внезапно вспыхнувшей любви немца-офицера Иогана фон Вебера и русской женщины Екатерины Васильевны, похожей на зеленый росток травы, проросший у самых шпал на железнодорожной станции. Пронсящиеся тысячетонные составы готовы раздавить его каждую минуту, но он живет зеленой искрой из-под колес.

Повесть эта не столько о любви, сколько о ее преодолении. Не только соседи, но и сама Екатерина Васильевна никак не может поверить до конца в то, что человек, носящий форму немецкого офицера, глубоко порядочен, благороден по своему внутреннему облику, и на войне он оказался в силу чрезвычайных обстоятельств. И все же внезапно возникшее притягательное чувство к нему оказалось в те дни более сильным, чем наша справедливая ненависть к немцам, хотя она, эта любовь, подверглась в дальнейшем страшным испытаниям.

Могла ли она не верить ему, пришедшему к ней в последний час отступления немцев из Ростова? Он просил ее помочь связаться с партизанами. Он переоделся в ее доме в гражданский костюм, хотел дождаться где-нибудь в подезде или на чердаке прихода русских частей и сдать в плен.

Он ушел из ее дома, чтобы не подвергать ее риску за укрывательство немецкого офицера. Ушел со словами: «Я верю, что мы встретимся, обязательно встретимся! Мы не можем не встретиться! Я вас никогда не забуду».

Тяжкие годы наступили для Екатерины Васильевны. С мужем, вернувшимся с войны, она разошлась — уж слишком важной была ее связь с офицером-фашистом, грозящая ей сибирской ссылкой. От всех житейских невзгод она нашла убежище у матери

— в Москве.

И вот однажды, проходя мимо здания редакции «Известий», она увидела рассеянно-скользящим взглядом за стеклами витрины на фотографии хроники ТАСС лицо Иогана. Да, это было его лицо! В углу фотографии подпись: «Делегация польских профсоюзов, прилетевшая в Москву. Слева направо: товарищи Ежи Боровский, Станислав Данилевский, Казимир Панкевич, Сигизмунд Секиржинский». Ежи Боровский? Но ведь это он! Он!

Она провела ночь в мучительных раздумьях. С какой целью он приехал в Москву под чужим именем и фамилией — как поляк с делегацией польских профсоюзов? Неужели его слова о любви к ней, русской женщине, о своей ненависти к фашизму были игрой? Ведь настоящий шпик-диверсант — это прежде всего актер, хороший актер, стоит ему сфальшивить — смерть.

Утром Екатерина Васильевна пошла признаваться. Она все рассказала и о нем, и о их любви, и о том, что, переодетшись в гражданский костюм в час отступления немцев из Ростова, он остался в городе и просил ее помочь связаться с партизанским подпольем, а теперь вдруг появился в Москве как поляк с делегацией польских профсоюзов.

Она не могла поступить иначе. Со

роде песни. Вспомним хотя бы «Так будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дома, до хаты...». Но жизнь бывает невероятнее самых фантастических творческих замыслов.

На третий день после начала войны Любан ушел на фронт добровольцем. Окончил курсы комиссаров. Был направлен на Западный фронт. В апреле 1942 года был тяжело контужен и оказался в Москве. Отлежался в госпитале, встал на ноги, написал несколько песен, которые широко пелись на фронте. Подружился с Пономаренко, командовавшим партизанским движением в Белоруссии.

Жена его, как о ней говорили, женщина редкой красоты, с дочерью и сыном оказалась в оккупированном Минске. В ее квартире встал на постой немецкий офицер, судя по всему, весьма высоких чинов и отнюдь не солдафон. Играл на рояле, любил и прекрасно знал музыку. Весьма деликатно и вместе с тем настойчиво в это трудное время помогал ей продуктами.

А самое главное, что не могло не вызвать в ней чувства беззаветной благодарности, он спас ее детей, отец которых был евреем, от концлагеря, где им грозило уничтожение.

дня ее рождения везде — и дома, и в школе — ее учили бдительности.

Почему же повесть моя называется «Измена»? Ведь Екатерина Васильевна Родине не изменяла.

После нескольких часов томительного ожидания, узнав от нее все, что было ей известно об Иогане фон Вебере, рослый полковник сказал ей: «Я хочу, чтобы вы знали, что поляк Ежи Боровский и немецкий офицер Иоган фон Вебер совершенно разные люди. Вы ошиблись. Это только внешне сходство. Ежи Боровский в сорок первом году находился в Москве, учился в нашей военной академии».

Ей стало нестерпимо стыдно за то, что она пришла сюда со своим заявлением. Стыдно за то, что она эту любовь так унизила. У нее было чувство, как будто она изменила не только Иогану, а чему-то большему...

А теперь вернемся к началу этих заметок. Замысел повести пришел, как я уже говорил, из Минска. Там до войны жил и работал известный всей нашей стране композитор Любан. Его перу принадлежат популярные в на-

Очувшись вдвоем в ее доме, они с каждым днем все лучше узнавали друг друга. И как это ни странно, война, которая должна была сделать их смертельными врагами, сблизила их так, как не могло бы сблизить мирное время. Его заботы помогли выжить ей и ее детям.

А когда он тяжело заболел крупозным воспалением легких, она выжила его дни и ночи напролет.

Случилось то, что не могло не случиться: они полюбили друг друга.

Война привела его, немецкого офицера, в ее дом, и война забрала его, увела своими дорогами, как ей казалось, навсегда. Но он, уходя сказал ей: «Что бы ни случилось, знай, я тебя все равно найду».

Все это время Любан жил одним: как спасти жену и детей, вызволить их из фашистской неволи? Помог Пономаренко. Из знаменитых партизанских лесов в один прекрасный день к ее дому подъехал воз сена. Ее и детей спрятали в этом возу. А вечером самолетом из лесной глухомани доставили в Москву.

При первой же встрече с мужем она все рассказала ему. Рассказала о том, что полюбила немца. Офицера. Фашиста. Может быть, рассказала потому, что он бы все равно узнал об этой окаянной ее любви к врагу от соседей, которые, конечно же, относились к ней с боязливой ненавистью, как к «фашистской овчарке», «немецкой подстилке». А может быть, рассказала потому, что эта любовь не могла таиться в ней, особенно в присутствии мужа, она, как боль, кричала о себе.

Можно понять горе и ярость, обуявшие Любана, фронтовика, проливавшего свою кровь за Отечество. И эта запекшаяся на госпитальных бинтах кровь не могла простить измену жены. И с кем? С врагом-фашистом!

Он выставил ее из дома. И перед ней навсегда захлопнулась дверь их семейной жизни. Она оказалась в Москве без всяких средств к существованию. Идти на работу в государственное учреждение боялась. Лишь только она заявит о себе, ее арестуют, вышлют из Москвы куда-нибудь в Сибирь за связь с фашистом.

Находились люди, которые ее жалели. Она перебивалась случайными заработками. Согласилась на любую работу — уборщицей, сторожихой, истопницей на композиторских дачах. В довершение ко всем бедам после окончания войны она потеряла хлебные карточки — хоть ложись да помирай! В таком иступленном душевном состоянии она оказалась на Пушкинской площади у здания редакции «Известий». Взглянула на фото-витрину хроники ТАСС...

То, что она увидела на огромном снимке, было куда более невероятным, чем то, что увидела Екатерина Васильевна — героиня моей повести «Измена». Она увидела его, того самого немецкого офицера, фашиста, на снимке вместе со Сталиным. А под снимком надпись: «Приезд президента Польской народной-демократической республики товарища Берута в Советский Союз».

В тот же день в горячечной тревоге и недоумении она обратилась в наши органы.

— Товарищ Берут вас разыскивает, — сказали ей. Без особых объяснений ей стало ясно, что товарищ Берут в годы войны работал на народную Польшу и, конечно же, на Советский Союз.

Услышав от моих друзей-композиторов об этой удивительной истории, я не мог не взяться за перо. Но описать все, как это было в жизни, я тоже не мог: президент Берут, композитор Любан, генералиссимус Сталин — и такая невероятная любовная история, связанная с их именами.

Отталкиваясь от этого жизненного факта, я дал волю своему воображению, сохранив главное: любовь, оканчившаяся сильнее вражды, — чудесная мелодия, пришедшая к нам с давних времен Ромео и Джульетты.

...После того, как умер Берут, мне довелось быть в Польше. Там мне сказали, что после смерти президента его вдова — белорусская женщина — живет на их земле.